

С. С. Бытко

О МЕСТЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ НАСЛЕДИИ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Поступила в редакцию 27.04.21 г.

Рецензия от 13.05.21 г.

105

Исследуются взгляды М. Е. Салтыкова-Щедрина на феномен старообрядчества, устанавливаются источники, на основании которых писатель изучал бытовые и вероисповедные особенности приверженцев «древлего благочестия», а также выделяются базовые положения философии западников и консервативных мыслителей, повлиявших на формирование образа старообрядцев в глазах классика. В исследовании показано наличие зачастую взаимоисключающих характеристик староверия в авторской концепции и делается вывод о преимущественно негативном восприятии раскола в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина.

The article examines M. E. Saltykov-Shchedrin's views on the phenomenon of the Old Believers. The research establishes the sources for the writer to study the everyday life and religious characteristics of the adherents of "old piety", and also highlights the background of the Western philosophy that influenced the writer's perception of their image. The article focuses on mutually exclusive characteristics of the Old Belief in the author's concept and makes a conclusion about the predominantly negative perception of the "schism" in the work of M. E. Saltykov-Shchedrin.

Ключевые слова: староверие, старообрядцы, М. Е. Салтыков-Щедрин, народное христианство, западники, эсхатология

Keywords: Old Belief, Old Believers, M. E. Saltykov-Shchedrin, folk Christianity, Westernizers, eschatology

Начиная с середины XIX в., староверие как культурное и политическое явление становится темой оживленных дискуссий в среде российской интеллигенции. Тема вероисповедной идентичности старообрядцев и ее роли в судьбе русского народа рассматривается как представителями славянофильства и почвенничества, так и их оппонентами из лагеря западников. Не обходят ее своим вниманием мыслители консервативного и даже революционного толка. Так, во второй половине XIX в. раскольники становятся объектом пристального изучения в работах Н. П. Огарёва и В. И. Кельсиева. Значительное внимание феномену старообрядчества уделяется в литературном наследии Н. С. Лескова, П. И. Мельникова-Печерского, Д. Н. Мамина-Сибиряка. Ряд авторов и вовсе использует проблематику русского инаковерия как базу для разработки собственной нравственной философии (Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой) [4, с. 200].

Значительное внимание уделяет староверию и М. Е. Салтыков-Щедрин, разделявший базовые принципы идеологии западников. Несмотря на пламенную приверженность Михаила Евграфовича идеалам просвещения и сочувствие преобразованиям Петра I, его сложно назвать «ортодоксальным» западником. Так, до 1860-х гг. М. Е. Салтыков-Щедрин поддерживал приятельские отношения со многими представителями школы славянофилов, вдохновлялся произведениями С. Т. и И. С. Аксаковых, да и позднее продолжал относиться с видимым сочувствием к некоторым положениям их идеологии [3, с. 27, 31, 38]. В период вятской ссылки писатель проявил себя в качестве «идеального чиновника» и непримиримого проводника охранительной государственной политики [10, с. 232]. В свою очередь, антикрепостнические убеждения и сочувственное отношение Салтыкова-Щедрина к положению народных масс позволило исследователями советского периода ассоциировать его с утопическим социализмом и даже революционным народничеством [3, с. 26; 7, с. 110, 112].

В силу своих служебных обязанностей на посту советника губернского правления М. Е. Салтыков-Щедрин был вынужден обстоятельно исследовать особенности религиозно-бытовой жизни вятских старообрядцев. Однако и с окончанием ссылки он продолжил интересоваться культурой «ревнителю старины». Обширные изыскания на эту тему писатель предпринял в 1860-е гг. В книжном собрании Салтыкова-Щедрина были произведения, посвященные теме русского раскола (митрополит Димитрий Ростовский, «Розыск о раскольнической Брынской вере» (1824); протоирей А. И. Журавлёв, «Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках» (1831); игумен Парфений (Агеев), «Сказание о странствии и путешествии инока Парфения» (1855); митрополит Макарий (Булгаков), «История русского раскола, известного под именем старообрядчества» (1855); митрополит Григорий (Постников), «Истинно древняя и истинно православная Христова церковь» (1856); Н. И. Попов, «Сборник из истории старообрядчества» (1864); Н. И. Субботин, «Современные движения в расколе» (1865); Ф. В. Ливанов, «Раскольники и острожники» (1872–1875); Я. В. Абрамов, «Выговские пионеры» (1884) [1, с. 24, 37; 12, т. 2, с. 554–555, т. 5, с. 35, т. 10, с. 715, т. 17, с. 620, т. 19 (II), с. 279–280]).

Кроме названных трудов, М. Е. Салтыков-Щедрин был знаком с многочисленными публикациями о старообрядчестве П. И. Мельникова-Печерского, А. П. Щапова, а также В. И. Кельсиева [12, т. 4, с. 602, т. 5, с. 694]. Примечательно политическое многообразие, наблюдаемое среди авторов, изучавших историю и текущее состояние русского старообрядчества: в одном ряду можно усмотреть как консервативных обличителей «раскольнической неправды», так и радикальных представителей революционной демократии. Наблюдаемое многообразие как нельзя лучше отражает эволюцию взглядов российской интеллигенции, перешедшей за менее чем столетие от игнорирования и очернения раскола к выяснению его действительного состояния, политического и экономического значения староверия для судьбы России. Одновременно с этим демократизировавшийся с каждым десятилетием

репертуар щедринской библиотеки также накладывал не кардинальный, но заметный отпечаток на отношение автора «Губернских очерков» к феномену старообрядчества.

Однако круг интересов М. Е. Салтыкова-Щедрина не ограничивался лишь тематической публицистикой. Известно, что писатель знакомился со старообрядческими источниками и зачастую именно на их основе создавал свои представления о староверах. В частности, Михаилу Евграфовичу было знакомо старообрядческое сочинение «Дьяконовы ответы», написанное староверами-поповцами в первой четверти XVIII в. Цитаты из «Слова от старчества об антихристовом пришествии» писатель использует при написании «Губернских очерков». Салтыков-Щедрин имел и возможность изучить труды киновиархов Выговской поморской пустыни братьев Андрея и Семёна Денисовых («Поморские ответы», «История об отцах и страдальцах соловецких»). Писатель не единожды упоминает о чтении часословов, азбук и многочисленных рукописных цветников (сборников житийных, учительных и апокрифических текстов) при посещении им старообрядческих скитов в середине 1850-х гг. [12, т. 2, с. 372, 380, 523–524, 547, т. 4, с. 533, 601].

Наконец, Салтыкову-Щедрину наверняка было известно старообрядческое «Житие протопопа Аввакума». Достоверных свидетельств этого не удастся найти ни в исследованиях, посвященных жизни и творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина, ни в сочинениях самого сатирика. Однако хорошо известно о беспрецедентной волне интереса российской творческой общественности к автобиографии «огнепального протопопа», последовавшей вслед за ее публикацией Н. С. Тихонравовым в 1861 г. [8, с. 15–16]. Захватывая умы дворянской интеллигенции, «Житие» получает высокую оценку Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и других крупнейших литераторов той эпохи, а впоследствии сохраняет статус выдающегося образца древнерусской поэтической традиции вплоть до заката Серебряного века. Сложно себе представить, чтобы такой увлеченный проблемой русского инаковерия мыслитель, как М. Е. Салтыков-Щедрин, оставил без внимания и соответствующей оценки столь примечательный памятник «архаического», «вредного образа мыслей», присущего, по его убеждению, непросвещенным слоям русского народа.

Можно констатировать, что в ряду отечественных классиков «первой величины» М. Е. Салтыков-Щедрин является едва ли не самым осведомленным знатоком русского раскола. Обладая обширными знаниями о прошлом и текущем положении дел старообрядчества, почерпнутыми из церковной и народнической публицистики, Салтыков-Щедрин также имел по-своему уникальный доступ к литературным источникам духовной традиции староверов. В силу своих должностных полномочий Михаил Евграфович часто наблюдал раскольников в их повседневной жизни, не понаслышке, в отличие от большинства других выходцев из дворянства, знал об особенностях их существования в инославном окружении. Подобным опытом взаимодействия со староверами, кроме него, мог похвастаться разве что П. И. Мельников-Печерский [1, с. 10, 16].

За годы своего литературного творчества Михаил Евграфович оставил значительный корпус текстов, прямо или косвенно связанных со старообрядчеством. Важным представляется выяснение вопроса о том, какими причинами объяснял писатель укоренение староверия в русском обществе. Исследователи не раз отмечали крайне нетерпимое отношение М. Е. Салтыкова-Щедрина к старообрядчеству, наиболее отчетливо проявлявшееся в начале его творческого пути. Для Салтыкова-Щедрина раскол был синонимом дикости и изуверства, порождением «темной невежественной массы» [11, с. 234; 15, с. 45]. Наиболее отчетливо подобную тенденцию мы можем наблюдать в рецензии писателя на книгу «Сказание о странствии и путешествии инока Парфения» (1857). М. Е. Салтыков-Щедрин заявляет о богословской беспомощности старообрядцев, утверждая, что догматически они «опровергнуты на всех пунктах». В качестве же фундаментальной причины распространения раскола Салтыковым-Щедриным называется «необычайная слепота и крайнее фанатическое изуверство» российского простонародья [12, т. 5, с. 35, 39]. Заметим, однако, что данная рецензия относится к раннему этапу изучения М. Е. Салтыковым-Щедриным духовных оснований жизни русского народа. В дальнейшем суждения Салтыкова-Щедрина значительно усложнятся под влиянием работ А. П. Шапова и разработанной им концепции о первостепенности социально-политических причин возникновения религиозного разномыслия XVII в. [12, т. 4, с. 590].

Одним из объяснений подобной бескомпромиссности может быть крайне тенденциозный характер литературы о «расколе», бытовавшей в 1850-е гг. Напомним, что появление светского взгляда на проблему староверия приходится на следующее десятилетие. До этого же в публицистике безраздельно господствовали труды церковных полемистов, яростно отрицавших любые доводы в пользу правомерности дониконовских обрядов. Отметим лишь, что все пять доступных М. Е. Салтыкову-Щедрину в 1857 г. книг о староверии были написаны представителями духовенства официальной иерархии.

Таким образом, архаичности старообрядцев, препятствующей, по мнению писателя, любой форме общественного прогресса, противопоставлялись идеалы европейского просвещения. Данная тема обстоятельно осмыслялась М. Е. Салтыковым-Щедриным в контексте петровских преобразований первой четверти XVIII в. Нередко прозаик прямо сталкивает модернизм Петра I с «отсталостью» современных ему раскольников. Староверы при этом постоянно предстают в образе малограмотного сброда, а их черты до крайности утрируются. Салтыков-Щедрин отрицает возможность личностного роста в рамках старообрядчества. Не удивительно, что рожденный в расколе инок Парфений отпадает от веры праотцов, будучи «обуреваем жаждою... духовного просвещения», разорвав же с «древним благочестием», получает способность смотреть на истину «глазами невооруженными» [12, т. 5, с. 35–36, т. 10, с. 11].

«Духовному просвещению» инока Парфения, отношение М. Е. Салтыкова-Щедрина к которому также было неоднозначным, противопо-

ставляются «отсталость, темнота и религиозно-сектантские предрасудки» позднего Толстого [14, с. 126]. Сарказм и гнев, с которым сатирик обрушивается на нравственное учение Льва Николаевича, объясняется сближением последнего с раскольниками и мужиками, последовавшим вслед за духовным кризисом рубежа 1870–1880-х гг. Так, согласно Салтыкову-Щедрину, просвещение, имевшее своей конечной целью интеллектуальное пробуждение крестьянской массы, на текущем этапе не может черпать силы в самом народе, лишенном возможности преодолеть наследие архаичной восточноевропейской культуры и даже отказаться от груза бытовых суеверий [9, с. 345–346]. Отметим также, что представления о народном инаковерии самого Л. Н. Толстого, отвергнутые М. Е. Салтыковым-Щедринным, ключевым образом повлияли на формирование образа раскольников в русской литературной традиции рубежа XIX–XX вв. [5, с. 66].

Обращает на себя внимание смещение в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина порой взаимоисключающих характеристик в отношении староверов. Так, в цикле произведений «Убежище Монрепо» говорится о том, что просветительская дорога трудна и терниста, а чтобы ей следовать, необходимо быть подобными бегунам, «взыскующим вышнего града» [12, т. 13, с. 285]. Весьма любопытно, что в качестве аллюзии на образ просветителя Щедрин использует именно последователя одного из радикальных направлений староверия. По всей видимости, лишь с представителями крайних религиозных идеологий, по мысли автора, возможно сравнить пылкий энтузиазм исследователя, погруженного в изыскание истины.

Для того чтобы еще более уверить читателя в чуждости старообрядческого менталитета идеалам знаний и истины, Салтыков-Щедрин отмечает обилие инородческого населения в рядах староверов. Примечательно, что малые этносы в данном контексте выступают олицетворением варварства, грубости и сепаратизма, обнаруживая тенденции, наблюдаемые писателем в среде самих раскольников. В «Губернских очерках» Салтыков-Щедрин и вовсе указывает на то, что даже не принявшие старого обряда пермяки имели большое почтение к старообрядческим старцам, снабжавшим их хлебом и порохом в обмен на предоставление убежища от полиции [12, т. 2, с. 380, 489].

Само слово «староверие» зачастую используется М. Е. Салтыковым-Щедринным как характеристика полузабытой архаики. Так, применительно к политике в понятийном аппарате писателя «староверами» называются сторонники отживших государственных порядков, в контексте литературы — приверженцы старомодных художественных течений [12, т. 5, с. 334, т. 10, с. 246]. Отметим, что подобное словоупотребление не единожды встречается в наследии большинства литераторов Золотого века. Примечательно, однако, что из числа писателей «первой величины» именно Салтыков-Щедрин впервые допускает использование слова «старовер» применительно к последователям протопопа Аввакума. Ранее сходную инновацию предпринял Н. В. Гоголь, ис-

пользував вместо общеупотребительного, но эмоционально окрашенного слова «раскольники» нейтральное, но диковинное для первой половины XIX в. нарицание «старообрядцы» [6, т. 9, с. 625].

Еще одним значимым фактором распространения староверия М. Е. Салтыков-Щедрин называет экономические мотивы. В качестве примера автором вполне ожидаемо приводится практика финансовой взаимопомощи, широко практиковавшаяся в среде старообрядческого купечества. Показательно, что в незаконченной повести «Тихое пристанище», повествуя о роде некогда зажиточных купцов Суковатовых, автор отмечает, что с годами те начали посещать официальную церковь и порвали отношения со старообрядческой средой. Результат не заставил себя ждать — почти сразу семейные дела пришли в упадок, что вынудило купцов переписаться в мещане. Предсказуемо и то, что не последнюю роль в обеднении семейства сыграл убежденный поборник «древнего благочестия» Михей Ключев [12, т. 4, с. 312–313].

Средством утверждения старой веры, по М. Е. Салтыкову-Щедрину, также могло выступать открытие постоялых дворов, готовых размещать наряду с бегствующим священством потенциальных неопитов [12, т. 2, с. 373]. Примечательно, что героиня «Господ Головлёвых» Арина Петровна, пребывая в Москве по коммерческим делам, останавливается именно в Рогожском поселке — месте компактного проживания староверов-поповцев. Отметим, что помещицу интересует посещение Рогожского рынка, а дела на улице Солянке [12, т. 13, с. 38]. Квартирование же на столь значительном удалении от цели своей поездки убедительно объясняется желанием прижимистой женщины сэкономить, нанимая доступное жилье у «раскольников». В данном контексте сложно не заметить принципиальное сходство психологического типа Арины Петровны с многочисленными старообрядческими портретами, созданными Салтыковым-Щедриним. Общими их чертами являются стремление к бытовой обособленности, практика семейного деспотизма и безотчетная жажда наживы [12, т. 2, с. 544].

Не последнюю роль в распространении расколов М. Е. Салтыков-Щедрин отводит активной деятельности старообрядческих скрипториев и отдельных книжников. В «Губернских очерках» сатирик неоднократно отмечает широкое распространение в среде староверов рукописных цветников и духовной поэзии, пользующихся большой популярностью в среде малообразованного крестьянства. Источником рукописей почти всегда называются пустыни. Тем самым автор оправдывал разорение старообрядческих скитов светскими властями, в необходимости чего был убежден вплоть до начала 1860-х гг. [12, т. 2, с. 372–373, 382]. Посредством обращения к сборникам духовных стихов, легенд и апокрифов Салтыков-Щедрин стремился исследовать феномен «книжного» взгляда на религиозное чувство, наблюдаемый им в русском простонародье. Не единожды рукописные фолианты, ставшие объектом его интереса, подвергались конфискации. Судьба изъятых книг зачастую неизвестна и представляется перспективной темой исследования для современной исторической науки [12, т. 2, с. 528; 10, с. 239].

Для творчества Салтыкова-Щедрина характерно пристальное внимание к феномену старообрядческих странников. Именно в нем автор видел главную причину укоренения «раскольничьих заблуждений» в народе. Михаил Евграфович обстоятельно описывает, как порождаемые иргизскими, стародубскими и керженскими монастырями проповедники старой веры незаметно для государственного репрессивного аппарата опутывали сетью тайных скитов провинциальные губернии, стремительно обзаводились многочисленными духовными чадами, вслед за чем рукополагали новых иноков [12, т. 2, с. 368].

По мнению Салтыкова-Щедрина, распространенность расколов на Руси наиболее отчетливо свидетельствует об особом таланте русского человека к пропаганде [12, т. 6, с. 347]. Приведем весьма показательную цитату: «Старообрядцы — это цвет русского простолюдья. Они трудолюбивы, предприимчивы, трезвы, живут союзно и, что всего важнее, имеют замечательную способность к пропаганде. В настоящее время они имели бы здесь массу прозелитов, как имеют их среди зырян, пермяков и прочих инородцев отдаленного севера. Укрываясь от преследований в глубь лесов, несмотря на “выгонки”, они смогли покорить сердца полудиких людей и сделать их почти солидарными с собою» [12, т. 16 (II), с. 9].

Именно деятельный прозелитизм и солидарность последователей объявляются автором главным условием выживания староверия в «неблагоприятной обстановке» [12, т. 5, с. 401]. Не единожды в своих трудах Салтыков-Щедрин развивает идею о человеческой гордости как первопричине всех религиозных расколов. Старообрядческие миссионеры, по его мысли, вводят народ в заблуждение своим видимым благочестием и странническим видом. В «Губернских очерках» писатель и вовсе в типичной для себя ироничной манере рассуждает о том, будто все пустыни существуют для того, чтобы религиозные пропагандисты могли проповедовать о праведности проживающих там старцев [12, т. 2, с. 126, т. 13, с. 612].

В сочинениях Салтыкова-Щедрина часто можно обнаружить странненькие рассуждения о роли аскетизма в деле распространения старообрядчества. Сам феномен аскетизма видится писателю как вредный пережиток темных веков, бездумно заимствуемый радикальными представителями простонародья. Аскетизм при этом выступает в качестве олицетворения старческой немощи и противопоставляется молодой европейской культуре, несущей общественную пользу и, как следствие, духовное благочестие [2, с. 14].

В данном контексте писатель вполне закономерно выделяет в особую категорию согласие странников, по его мнению, концентрирующее в себе все самые архаичные и крайние проявления русского раскола, лишь частично представленные в жизни других толков староверия [12, т. 5, с. 41 48 — 49]. Одним из подобных проявлений классик называет ожидание скорого пришествия антихриста. Эсхатологические ожидания, столь отчетливо наблюдаемые в старообрядческой среде, стали одним из излюбленных поводов для бичевания Щедриным староверия.

Сам автор указывает, что при исполнении должностных поручений относительно раскольников был вынужден часто сталкиваться с цветниками, повествующими о пришествии антихриста, «безобразными извержениями аскетической фантазии» [12, т. 5, с. 47].

Согласно Салтыкову-Щедрину, изображение старообрядцев и «раскольничьего мира» на страницах светской литературы является необходимым условием всестороннего исследования жизни русского народа [12, т. 2, с. 544]. Неудивительно, что эсхатология, налагавшая широкий отпечаток как на вероисповедные, так и политические взгляды старолюбцев, являлась для писателя весьма примечательным, хотя и досадным феноменом русской жизни. По мнению Салтыкова-Щедрина, склонного вульгаризировать богословские измышления старообрядцев, в своем конечном проявлении вера в скорую кончину мира должна иметь своим финальным выражением отказ сеять, жать и вообще как бы то ни было обеспечивать материальные условия своего существования, ибо следовало заботиться лишь о посмертной жизни [12, т. 10, с. 10, т. 4, с. 304]. Несложно усмотреть оторванность авторской концепции от реального положения дел в старообрядчестве, приверженцы которого, уже к середине XIX в. зарекомендовали себя предприимчивыми и рачительными хозяйственниками.

Обращает на себя внимание и двойственное отношение М. Е. Салтыкова-Щедрина к архаизмам русского языка, ставшим для автора одним из маркеров типичной старовойсковой речи. Рассуждения об устаревших лексических формах налицо во многих произведениях классика. Писатель весьма едко иронизирует над архаизмами, употребляемыми старообрядцами, а порой и вовсе сравнивает с раскольниками всех, кто использует отжившие речевые формы [12, т. 8, с. 328, 569, т. 7, с. 197]. Сходные выводы делают и исследователи творчества прозаика, отмечавшие характерное для Щедрина «отрицание и осмеяние устаревших представлений и форм жизни» [13, с. 17].

Вместе с тем ряд специалистов, напротив, настаивает на том, что знакомство с народной речью во время поездок по Вятской губернии в немалой степени способствовало творческому становлению Салтыкова. Е. А. Бузько и вовсе утверждает, что в 1850-е гг. автор занимался поисками нового «поэтического языка», обращаясь для этого к «полуславянской» народной речи [3, с. 30; 7, с. 118]. Изучение рукописей «Губернских очерков», работа над которыми приходится на то же десятилетие, подтверждает данный вывод, отчетливо выдавая привязанность Щедрина к архаизмам и церковно-славянизмам¹, активно использовавшимся им при бытописании раскольников [12, т. 2, с. 519].

В представленной работе проанализированы место и роль старообрядчества в мировоззренческой концепции М. Е. Салтыкова-Щедрина. Как видно, феномен «древлего благочестия» являлся одним из излюбленных мини-сюжетов в творчестве классика. Не рассматривая староверие как основу для раскрытия глубинных подтекстов собственной

¹ Значительная их часть позже была изъята из текста корректорами в процессе подготовки книги к печати.

философии, автор тем не менее с завидной регулярностью обращается к нему в ходе бытописания непросвещенных слоев российского общества. Рассматривая старообрядчество как сосредоточие фанатизма, архаизма, догматизма и коллективизма, чуждых ментальности западника, Михаил Евграфович нещадно критикует приверженцев раскола, препятствующих, по его убеждению, развитию просвещения в широких народных массах. Стоит, однако, заметить, что взгляд Салтыкова-Щедрина на старолюбцев был значительно сложнее, нежели позиция большинства других критиков. В отличие от церковных миссионеров, отрицавших любые положительные явления в рамках старообрядчества, Салтыков-Щедрин, подвергшийся значительному влиянию своей эпохи, констатировал и позитивные стороны приверженцев раскола: пылкий нрав, талант к пропаганде, обстоятельность и предприимчивость в финансовых вопросах.

Ввиду обширности изучаемого вопроса настоящую работу следует считать лишь введением в освещение проблематики староверия в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдельного исследования требуют его взгляды на политический потенциал старообрядцев, «обмирщение» купцов-староверов, а также чиновничий произвол в отношении выходцев из раскола. Дальнейшее исследование данного вопроса позволит более детально проследить развитие взглядов автора на вопрос «народного христианства», а также выявить общие тенденции в эволюции взглядов российской интеллигенции XIX в. на проблему русского религиозного разномыслия.

Список литературы

1. Боченков В. В. П. И. Мельников (Андрей Печерский): Мировоззрение, творчество, старообрядчество. Ржев, 2008.
2. Бузько Е. А. «Сказание» инока Парфения в литературном контексте 1820–1870-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005.
3. Бузько Е. А. Славянофильство в оценке М. Е. Салтыкова // Культура и текст. 2015. №4 (22). С. 25–44.
4. Бытко С. С. О «Хозяйке» и конфессиональной терминологии (к теме «Достоевский и старообрядчество») // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 22. СПб., 2019. С. 189–207.
5. Бытко С. С. Тема старообрядчества в творчестве Александра Куприна: дискуссионные проблемы и перспективы изучения // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2020. №3. С. 61–73.
6. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. : в 17 т. М. ; Киев, 2009–2010.
7. Иванов-Разумник Р. В. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. М., 1930.
8. Лыткин В. В., Осипова А. В. Эволюция образа протопопа Аввакума в русской культуре // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2019. №4–1 (32). Т. 1. С. 13–22.
9. Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Последние годы (1875–1889). Биография. М., 1989.
10. Починская И. В. «Дело по ведению следствия о раскольнике Ситникове А. ...» (М. Е. Салтыков и старообрядцы) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2003. Вып. 5. С. 231–245.

11. Починская И. В. «Записка о раскольниках Глазовского уезда» В. А. Минха // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, №4. С. 232–243.
12. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. : в 20 т. М., 1965–1977.
13. Строганова Е. М. М. Е. Салтыков-Щедрин и античная литература // Культура и текст. 2015. №4 (22). С. 14–24.
14. Тесля А. А. «Сказание...» инока Парфения в ситуации наивного чтения // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Сер. 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2015. №2. С. 126–129.
15. Цой Л. Н. Проблемы раскола и народных ересей в творчестве Ф. М. Достоевского. Якутск, 1995.

Об авторе

Сергей Станиславович Бытко — асп., Нижневартровский государственный университет, Россия.
E-mail: labarum92@rambler.ru

The author

Sergey S. Bytko, PhD Student, Nizhnevartovsk State University, Russia.
E-mail: labarum92@rambler.ru